

СИБИРСКАЯ АТЛАНТИДА

(рассказы переселенцев
из зоны затопления
Богучанской ГЭС)

27 ноября 2012 г. заработали первые три агрегата Богучанской ГЭС, возведенной на единственной реке, вытекающей из Байкала. А несколькими месяцами ранее началось заполнение водохранилища, на дне которого к декабрю 2014 г. должны оказаться все 2326 кв. км. приангарской земли, включая пепелища 30 сел и деревень Кежемского р-на Красноярского края, а также пяти населенных пунктов Иркутской обл., плодородные сельскохозяйственные угодья по берегам Ангары и 8,48 млн кубометров таежного леса (полную лесоочистку правительственная комиссия посчитала нецелесообразной). Первые переселения из зоны будущего затопления начались еще в 1980-е гг., потом были приостановлены из-за замораживания строительства ГЭС. Возобновлены в 2008 г., когда к строительству ГЭС подключилась частная компания ОК РУСАЛ и частно-государственная «РусГидро». В Красноярском крае последним было зачищено и сожжено старинное сибирское село Кежма, основанное русскими первопроходцами в 1665 г. Кроме него в жертву электрификации всей страны принесены деревни Кежемского р-на Аксёново, Алёшкино, Болтурино, Гусевка, Дворец, Заимка, Карамышево, Карыба, Косой Бык, Кодинская Заимка, Кода, Недокура, Мозговая, Окунёвка, Паново, Пашино, Привалихино, Прокопьево, Проспихино, Рожково, Савино, Селенгино, Сизая, Соколово, Сосновая, Таёжный, Усолцево, Уяр, Фролово. Всего было переселено более 12 тыс. человек, в том числе 1713 семей — за последние 5 лет. Последний житель покинул зону затопления в декабре 2012 г.

В настоящее время филологи Сибирского федерального университета совместно с телестудией СФУ и киностудией документальных фильмов «Архипелаг» (Красноярск) проводят записи устных рассказов и фольклора переселенцев, размещают часть материала на сайте «Ангарский словарь», готовят документальные фильмы об истории, культуре исчезнувших деревень, о судьбах населявших их людей.

Материалы, записанные от Т.В. Туровой [4], легли в основу фильма «Последняя рыбалка Тамары» (режиссер Элина Астраханцева, оператор Евгений Николаев), удостоенного в 2013 г. национальной премии «Страна» в номинации «За оригинальность идеи».

В данной публикации представлены рассказы переселенцев из Кежемского района, записанные в 2012 г.¹

О ПРОШЛОМ

Ангара, которую мы потеряли

[Н.И.:] Зимой проруби долбили и уды ставили. И рыба постоянно была. Рыба бочками была. Огурцы тоже — поменьше бочками. <...> Делали икрятники². Взбивалась икра, со сметаной.

[А.К.:] Раздобишь икру. Потом, как жарится, то и добавляешь сметану.

[Н.И.:] Почему? Сразу-то сметана добавлялась. Потом на сковороде. Это выпекалось. Как торт, поднимались икрятники. Икра, сметана... подсаливали. И всё. Муки не надо. Но вот эта икра, когда жарить её, она поднималась. Зарумянится — вкусенятина. Дивья!³ <...> Холодцы делали из щуки, из окуня. А главное, чтобы рыба была целиком, цельная. Вот большие противни. Всю её туда закладывали, заливали, её отваривали, шкуру собирали, заливали вот этим бульоном. Оно всё застынет. Это первое было блюдо при компании. Хариусы какие были! Солили, жарили, потом уже вялить стали. Поначалу в бочки засаливали. По полной лодке порою привозили. Бригады были спаянные. У каждого свой участок. Другие не должны были заехать.

[А.К.:] Ухожьё⁴ были разделены.

[Н.И.:] Лодка почти до конца была загружена. Во столько было рыбы! Сдавали в рыботрест.

[А.К.:] Мокчонов⁵ не ели. Их отбрасывали. Ёршиков ели. Как на рыбалке будешь, там ёршик попадёт, дак уху сварить, очень вкусная. Мы кадушечки себе взяли... Присолили рыбу... Кадушки с рыбой стоят. Присолить себе надо.

Назавтра поехали на озеро рыбачить неводом. Полну лодку окуней. Три пальца была запаса в палубе в лодке. А то полну загрузим её! Повезём побольше и сддим, чтобы они у нас рыбу-то не вынули. Народ сбегался... Ой, рыбищи! [А ельцы присоленные?] Не было в озёрах-то ельцов.

[Н.И.:] Рыба хорошая была, а елец костлявый. В сорожке больше костей. [А сырком рыба — это как?] [А.К.:] Но, сырком... Не жареная... Кака она есть, только присолишь её и всё. Ись можно [1; 2].

Ой, да наша деревня вообще была, назна, всех лучше. Потому что была речистая⁶ всегда. Дружны все. Работали...

Около д. Заимка Кежемского р-на (сейчас не существует). 1954 г.
Фото из архива В.С. Косолаповой

никто никогда не ругался, всегда все были. Гуляли все вместе компаниями. Как пойдут — носки вяжут. Всё друг к дружке. Посидят у той, другой вечерами. Магазина же ничё не было. Мужиков в лес отправят на охоту, а сами осенью на вечеринки. Картошки достанут сладкой с погреба. Специально отлаживали. Отлежится она там такая... Навернётся, блин, целое ведро. Чистишь — они как яблоки. Яблоко-то не было, так картошка, она как-то отлаживалась в погребе там, внизу, где лёд там, это всё. Ну хорошо... Ну очень сладкая была, када принесёшь. Зиму она там не хранилась, потому что она замёрзла. Это просто она на яду для себя. Сырком кушать. Вместо яблочек. Витамины... [3].

О ПЕРЕСЕЛЕНИИ

Как умирала Кежма

Знаешь, если честно говоря, нас переселяли 30 лет. Мы 30 лет знали, что мы живём в зоне затопления, что будет ГЭС, что иначе не строить... Потом её заморозили, потом опять возобновили, потом опять замораживали. <...> Изыскания эти делали для ГЭС, мы ещё в школе учились... Вот мы на пенсию ушли, а мы всё уезжали, собирались уезжать... И потом мы просто уже не надеялись, что когда-то это будет, что когда-то эту ГЭС достроят, мы будем переезжать. И вот десятый-одиннадцатый год у нас началось массовое переселение, массовое! Ну, квартиру кто получали — сразу уезжали, сразу. Кто оставались, писали заявления,

Гармониста не было у нас в деревне. Вот ее отец играл, а нам надо же музыку в клуб танцевать. Мы придём к тете Вале: «Тётя Валя, отпусти братку». Ну это. Поиграл чтобы он. Она когда-то отпустит, когда не отпустит его. И это. Мы чуть не на колени перед ней ставали. Чтоб пусть тётя Валь, ну отпусти, пожалуйста, а он же завихоривал у нас. Пойдёт играть, а сам в другую сторону убежит. Она потому и не отпускала его.

Всякие игры были в клубе вот. Ремнём как-то играли. «Третий лишний» вот. Как вставали пары вот кругом. Весело так-то.

Раньше ни телевизоров, ничё не было же. Ходили на вечеринки друг к друж-

ке. Наши матери. Это уже всё отошло. Как пойдут — носки вяжут. Всё друг к дружке. Посидят у той, другой вечерами. Магазина же ничё не было. Мужиков в лес отправят на охоту, а сами осенью на вечеринки. Картошки достанут сладкой с погреба. Специально отлаживали. Отлежится она там такая... Навернётся, блин, целое ведро. Чистишь — они как яблоки. Яблоко-то не было, так картошка, она как-то отлаживалась в погребе там, внизу, где лёд там, это всё. Ну хорошо... Ну очень сладкая была, када принесёшь. Зиму она там не хранилась, потому что она замёрзла. Это просто она на яду для себя. Сырком кушать. Вместо яблочек. Витамины... [3].

чтоб хотя бы доработать. Кто дорабатывал до пенсии, кто дорабатывал, чтоб хоть немножко подзаработать, потому что нас там никто нигде не ждёт, никто для нас работу не приготовил, ничего. <...> Я сказала, что буду жить до последнего. Сын мой тоже остался: поедим же все вместе. <...>

Большой районный центр был. Было все предприятия, все организации. Было пять или шесть детских садов, три клуба было у нас, два ДК и клубы были, было несколько столовых, ресторан — это было всё! Потом, как начали только строительство ГЭС, это в каких годах, ой, шас даже не скажу, в каких годах, начали с администрации района — перевели в Кодинск⁹. Всё перевели: администрацию перевели, больницу, ну, как говорится, оставляют понемногу, основное — там: аэропорт там, соцзащита там, пенсионный там. Это за каждой бумажкой приходилось ездить в Кодинск потом, за всем, за всем приходилось. Все предприятия — в Кодинск. Ремонтов никаких уже не производилось много-много лет <...>. Село начало умирать. Предприятия закрываются — работы нет людям. Поневоле люди стали уезжать, село начало разрушаться, и люди правильно стали ждать уже к одному концу: или бы прекратили полностью строительство ГЭС, тогда посёлок хотя бы жил. А так умирает посёлок, уезжают: ни работы, ни детских садов, ни больницы — ничего нету. Куда людям деваться? Люди стали, да многие... Ждали, как говорится, переселения. Старики думали, что вот хоть уедем где-то в больницы, где-то к детям, где-то чего-то... Но, понимаешь, вот не осознавали того, что не будет Кежмы или других этих посёлков! Не осознавали мы то, что их совсем не будет! [4].

О жизни в Кежме перед «зачисткой»

Я была диспетчером по вывозке вещей, это последний вот год уже, одиннадцатый год, зиму вот, когда вывозили, там уже все машины у меня приходили отмечались. Раньше-то людям давали одну машину. На одну машину сколько сумел погрузить — всё! Хотя там у тебя хоть сколько вещей. Так всяко люди неофициально вывозили уже эти вещи. А так дали вам одну машину на семью, и всё. Подошла баржа. На баржу скидали всё, половина вещей терялась, половина разбивалась, размокали под дождём и всяко...

В общем, похабно, очень похабно! А в Недокуре выгружали, кидали эти вещи. Стоит фура огромная. Они берут там ящик какой или коробку, как кинут там, чтоб дальше пролетела. Там разницы нет им, что в этой коробке лежит: стекло или чё ли. И сколько терялось у людей, сколько это самое, сколько разбивалось! Мы потом ехали, это самое, шифонэр ле-

жит разбитый, и на нём, на шифонэре, это приклеена бумажка «такой-то, такой-то». <...> Икона даже на пароме валялась, разбитая икона. Женщина подобрала, говорит, отдам в Кодинск в церковь. Ну, а последних нас уже увозили — нам давали, как говорится, машину давали. Сколько вещей есть, столько тебе и машин давали. <...>

Мы среди пожарищ жили. И старались, старались жечь там, где живут люди. Вот, допустим, стоит целый квартал пустующий — они его не жгут. А будут жечь рядом, вот я тут живу рядом, со мной будут жечь дом, чтоб быстрее меня выжить. Это делалось специально, специально так выжигали. <...> Целыми днями, ночами, у нас дом стоит, напротив был детский сад, наискосок был клуб... И в один день подошли детский сад, клуб и еще один дом рядышком... Представляешь, детский сад здоровый, длинный такой, клуб такой высокий... и это всё в один раз зажгли. Вокруг дома у нас всё горело, представляешь, у меня сын тогда на работу не пошёл, вызвали пожарку. Пожарка дежурила, ну, конечно отгаскал на х...ях¹⁰ всё начальство и всех ругал, потому что... ну ведь можно в другом месте жечь. Да даже мы уедем — подожгите вы сразу всё, оно в один день всё сгорит. Нет! Они специально будут жечь, хотя мы уехали, ещё зачистки ни клуба, ничего не велось, после нас уже зачищали. То есть сжечь сожгли, вот эти вот, горелое всё стояло. Люди приезжали как-то, хотели взять брус, доски там, ну увезти в Кодинск. Не дали им с дома с этого, а на следующий день дом этот подожгли. Ну почему людям-то не отдать? Пусть увезут они. Вам какая разница? Лучше сожём, но людям не дадим. <...>

А коров как забивали? Представляешь, трёх голов сразу: 9 месяцев подросток был, годовалую тёлочку и двухгодовалая корова. Представляешь, как их было бить... Я ушла из дома, когда били. Я говорю: «Не могу». Они ведь знают, что их убьют. Понимаешь, скот тоже чувствует... Видишь, как у скотины слеза течёт. Она-то ничего сделать не может, она смотрит тебе в глаза...

Кошек сколько, кошек убили, собак убили... А куда? У братца вот было две кошки. Он говорит, я с собой не повезу... Одну мы в Абакан увезли к тётке, а одну убить пришлось. А куда мы повезём? Собаку тоже куда повезём? Потом, когда коров били, кошек, собак... Они тогда забили четыре крупнорогатика, забили, приехали — трёх кошек, двух собак убили. Это всё, представляешь, уничтожалось... А сколько собак! Некоторые люди не могли убивать кошек, собак оставляли... Но это же ещё хуже. Они голодные бегают. Одна собака жила, хозяева ухали, она жила всё время возле своего дома. Соседи подходили, кормили. И она всегда приходила

и у ворот своих жила. Так и ждала своих хозяев... [4].

Переезд

А уезжали, мы уезжали самые последние. Мы 26 марта одиннадцатого года, мы поехали с Кежмы. Мы хотели немножко пораньше ехать, Корейчик говорит: «Давайте поедим уже все, колонной».

Вот мы поехали, ну там, конечно, не в раз все выехали. Поехали почти в одно и то же время, но кто на кладбище поехал, кто возле своего дома... У нас даже некоторые, Тремарёв Андрей, он сам поджёг свой дом и поехал. Потому что он говорит, я только вышел, сразу эски там начали шнырять, там что оставил, что чего, подбирать. Он говорит, я ещё не уехал, я ещё здесь... Пошел, облил бензином и поджёг. Как тяжело, вот это представляешь...

А один у нас уезжал на пароме, но он еще в десятом году уезжал, мотоцикл «Урал», приехал на паром на «Урале», ну, уже совсем уезжали, открыл краник — бензин натёк, бросил спичку, поджёг, сел на паром и поехал. Представляешь, что вот это невозможно так видеть, слышать, смотреть на это... Это твоя жизнь... это переступаешь последнюю черту, считай, уходишь куда-то в никуда... И весь народ плакал, смотрел, как он вот это сделал. И поехали. Мы заехали на кладбище и ревели, даже дети у меня плакали, уж на что парни... вообще никогда даже не плакали. С нами ехали две кошки, собака в машине, полностью забитая до верха машина, мы ехали и плакали, наверное, последний раз по этим улицам едем. Дома стояли ещё [кое-где]... [4].

О перевозе гробов

Да а шас вот перевозили покойников-то. Маму перевезли, Валерочку... и вот Валя, что утонул в Ангаре. Вот троих их перевезли сюда [в Кодинск]. А чё делать-то остается... Раз там уже затоплять будут этот канал. Чё они-то в воде лежать будут? Вот и перевезли. А как уж ... не то слово. И сколько людей-то перевезли! Ешо Усольцева там не перевезли, а шас затоплять будут. Нельзя их тревожить... [Не всех перевезли?] Нет, конечно. Моя племянница. Ея там мать лежит, брат родной и ешо сродны братовья¹¹ — уж их не перевезли. [Под воду попадут]. Попаду-у-ут! Да запросто! Оно хоть вроде бы и высоко там кладбище-то, а всё равно... А в Батурино-то на горе. Такая гора! Это отдудова упал парень, заубился насмерть. А там эта на горе, думаешь, не могли бы затопить... А всё затопляют, да вот уже... воду подняли уже.

[Рассказывали, что кто-то умер прямо на кладбище, когда выкапывали, перенесли покойника...] Да. Это был председатель сельсовета. И он умер. Не выдержал. Умный такой был, царство небесное ему.

Для нас родней Аксёново не было
И нет дороже ничего,
И как хотелось возвратиться
К крыше дома своего.

Кладбища наши разворошили,
В ящики косточки сложили,
На машинах в лес чужой увезли —
Захоронили. (Ой!)
О Боже, что же сделали с тобою?
Ведь у нас ты была одна,
Деревня наша.
Так давайте же наполним бокалы
И выпьем за деревню до дна! [6].

Примечания

¹ Представлены записи участников проекта «Ангарский словарь» Э.А. Астраханцевой (инф. № 1—4, 6), Г.Г. Белоусовой, Л.Л. Карнаухова (инф. № 1—3, 6), Е.М. Николаева (инф. № 4), О.В. Фельде (инф. № 5), оператора Андрея Шицова (инф. № 1—3).

² Олады из икры пресноводных рыб.

³ Очень хорошо, дивно.

⁴ Рыболовные или охотничьи уголья.

⁵ Пескарей.

⁶ Общительная, приветливая.

⁷ Дояркой.

⁸ Т.е. на плашкоутах (плоскодонные несамоходные суда для перевозки грузов).

⁹ Администрация Кежемского района переведена в г. Кодинск в 1988 г.

¹⁰ Очень сильно отругал.

¹¹ Двоюродные братья.

¹² Еловое, Куренный, Большая Ирильда — острова на Ангаре возле д. Аксёново, в настоящее время — на дне Богучанского водохранилища.

Список информантов

1. Анна Константиновна Сизых, 1920 г.р., пересел. из д. Алёшкино в Красноярск.

2. Нина Ивановна Дмитриева, 1952 г.р., пересел. из д. Алёшкино в Красноярск.

3. Екатерина Ивановна Карнаухова, 1939 г.р., пересел. из д. Аксёново в Красноярск.

4. Тамара Валентиновна Турова, 1959 г.р., в 2011 г. пересел. из с. Кежма в Сосновоборск.

5. Анна Николаевна Шнайдер, урожд. Шарыпова, 1932 г.р., пересел. из д. Паново в Кодинск.

6. Фаина Алексеевна Сундукова, 1942 г.р., в 2003 г. пересел. из д. Аксёново в Красноярск.

Предисловие, публикация и примечания

О.В. ФЕЛЬДЕ (доктор филол. наук;
Сибирский федеральный ун-т,
Красноярск)

↑ А.Н. Шнайдер (урожд. Шарыпова), 1932 г.р., переселена из д. Паново. Кодинск, 2012 г. Фото О.В. Фельде

↑ Ф.А. Сундукова, 1942 г.р., переселена из д. Аксёново. Кодинск, 2012 г. Фото О.В. Фельде

Филологи из Сибирского федерального университета, сотрудники телестудии СФУ и киностудии «Архипелаг» (Красноярск) в рамках проекта «Ангарский словарь» занимаются сбором фольклора и устных рассказов жителей Приангарья. Особое внимание уделяется истории, культуре и диалекту исчезнувших деревень Кежемского района Красноярского края, жители которых были переселены в связи с открытием Богучанской ГЭС и затоплением деревень.

Читайте публикацию О.В. Фельде на с. 40—44.

Кежемский р-н Красноярского кр.

↑ В доме М.И. Пановой. Ныне затопленная д. Паново. 2008 г. Фото А. Гришакова

↑ Самоловники — небольшие деревянные постройки на берегу Ангары для хранения рыболовных снастей, лодочных моторов, вёсел в д. Чадобец. Фото Ю. Заяца. 2012 г.

↑ Заброшенный дом в д. Чадобец. Фото Ю. Заяца. 2012 г.